

«Левый берег, правый берег: Эрнст Май и история планировки Магнитогорска (1930–1933)»

Рецензия на монографию Е. Конышевой и М. Мееровича (на немецком языке)

Выходные данные по книге: Evgenija Konyeva, Mark Meerovi: Linkes Ufer, rechtes Ufer. Ernst May und die Planungsgeschichte von Magnitogorsk (1930–1933). Herausgegeben von Thomas Flierl. Edition Gegenstand und Raum. Berlin: Verlag Theater der Zeit. 2014.

¹ www.kunsttexte.de

² www.fondrgs/upload/f95/pa178-izvechenie.eng.docx

Около года назад сообщалось об усилиях инициативных групп сохранить историческую застройку первого квартала Магнитогорска, по крайней мере некоторых характерных свидетельств функционалистского градостроения в России перед его исчезновением.¹ Угроза возможного сноса здания фабрично-заводской школы архитектора Вильгельма Шютте существует до сих пор. Объявленный в середине декабря 2013 года аукцион по продаже здания школы с прилегающим земельным участком, по всей видимости, не состоялся.² Однако усилия международных и российских органов охраны культурного наследия по постановке под охрану зданий первого квартала пока не дали видимого результата. По последним сведениям региональных органов охраны культурно-исторического наследия, уже подготовлены необходимые документы и официальное экспертное заключение. Как это часто бывает в России, различные варианты и пути решения проблемы непрозрачны, а ее обсуждение в средствах массовой информации не предусмотрено.

Партнерские инициативы Германии и России в рамках гуманитарных исследований сложны с давних пор. В тех случаях, когда исследования русской стороны проводятся при немецкой финансовой поддержке, результаты обобщаются и представляются, как правило, лишь на русском языке и, таким образом, доступны только узкому кругу специалистов, владеющих русским языком. Редкие исключения все же имеются, в частности изучение немецко-русских

культурных связей в XX веке, которое было проведено по инициативе Льва Копелева в 2005–2006 годах в Германии и в 2010-м в России. Замечательным итогом этой работы стало издание трехтомного сборника трудов, в котором среди 120 авторов больше половины составляют российские ученые, привнесшие собственные точки зрения на проблемы современной истории, причем градостроительство играло там, к сожалению, лишь второстепенную роль.

И вот теперь в свет вышла книга, посвященная именно этой теме. Речь идет об опубликованной в России монографии, которая переведена на немецкий язык и издана берлинским издательством Theater der Zeit. Издание этой книги является особенным событием, тем более что речь в ней идет о советско-европейском сотрудничестве в области городского планирования и строительства в начале 1930-х годов, в рамках которого работа Эрнста Мая и архитекторов его группы в СССР является ярким примером. Опубликованная в 2012 году в России, эта книга базируется на исследованиях, проведенных ее авторами в 2009–2010 годах.

Она основана прежде всего на документах российских центральных и региональных архивов. Этот ценнейший материал привел авторов, с одной стороны, к выявлению особенностей советского градостроительства, с другой – к выводу о том, что без западноевропейских источников невозможно воссоздать полноценную картину истории советского градостроительства и роль европейских архитекторов в ее осуществлении.

Исследование Евгении Конышевой и Марка Мееровича поддерживалось немецкими, американскими и российскими научными фондами, предоставившими гранты на изучение отдельных аспектов разрабатываемой темы.

За то, что результат этих исследований теперь может быть доступен и для немецкоязычных читателей, нужно благодарить прежде всего инициатора перевода книги на немецкий язык и ее редактора Томаса Флирля.

Советская историография еще совсем недавно поддерживала скорее отрицательный имидж Эрнста Мая. В профессиональной литературе можно прочитать о том, что именно Май персонально виноват в ошибочном выборе территории для селитьбы города Магнитогорска и что советским архитекторам «слишком много пришлось учиться на ошибках Э. Мая, порожденных его самоуверенным профессионализмом и пренебрежением традициями русского градостроительства».³ Конечно, подобные утверждения не прошли бесследно для авторов книги. Евгения Конышева признавалась на презентации монографии в феврале сего года, прошедшей в Баухауз-архиве в Берлине, что она испытала культурный шок, когда впервые в 2011 году увидела поселения, спроектированные и построенные под руководством Эрнста Мая во Франкфурте-на-Майне. Она была поражена высоким качеством и эстетикой и зданий, и открытых пространств. Эрнст Май не смог добиться подобного качества формирования городской среды

в жилых кварталах Магнитогорска и Новокузнецка. Пытаясь ответить на вопрос, почему в советских реалиях могло быть только так, а не иначе, авторы нашли ряд достойных самого пристального внимания ответов.

Уже сам исходный пункт методологии анализа отличается от немецких подходов. Авторы подчеркивают, что они хотят представить в своем исследовании архитектурное и градостроительное творчество Эрнста Мая в процессе проектирования Магнитогорска не с художественной точки зрения (композиция, пропорции, фасады, художественное оформление и т. д.), а как продукт социально-политической системы, как результат влияния политической власти. Марк Меерович во время презентации характеризовал эту книгу как одну из немногих попыток в современной России написать «политическую историю советского градостроительства». И действительно, в своем исследовании авторы обратили основное внимание на роль советского государства как единственного заказчика, принимающего решения и отвечающего за них, в то время как возможности советских и иностранных архитекторов, находившихся в роли государственных служащих, были незначительны.

С точки зрения авторов, из-за советской политики индустриализации, начиная со второй половины 1920-х годов и особенно в годы первой пятилетки, промышленное предприятие имело в СССР абсолютный приоритет. Возведение прилегающего к нему рабочего поселка (города) расценивалось государственными органами как побочная и второстепенная задача. Саму постановку вопроса о строительстве Магнитогорска на левом или правом берегу, возникшую еще до прибытия Эрнста Мая в СССР, авторы видят именно как результат подобного распределения приоритетов.

Город был основан на левом, холмистом берегу, на стороне металлургического завода. Однако очень скоро места для поселения перестало хватать, так как мощности комбината постоянно росли. При принятии первоначальных решений отсутствовали сведения о направлении господствовавших ветров, а правый берег был труднодоступным из-за сооружения большого водохранилища и отсутствия мостов. Эрнст Май, как проектировщик Цкомбанка, был также задействован в решении вопроса о выборе места. Евгения Конишева и Марк Меерович, со ссылкой на соответствующие архивные источники, подробно описывают, как этот вопрос привел к войне ведомств на всех уровнях – от местного до

союзного. Эта борьба была направлена в конечном счете на занятие господствующего положения в жилищном строительстве и контроль над крупными денежными потоками. Мнение официально привлеченных иностранных архитекторов отнюдь не во всех государственных органах воспринималось одинаково доброжелательно. Точка зрения Эрнста Мая принималась к сведению, но решения принимали другие.

В начале 1931 года работодатель Мая, защитник левобережного размещения города, добился мнимой победы. Эрнст Май и его бригада вынуждены были заново переделывать генеральные планы Магнитогорска в соответствии с изменявшимся требованиям со стороны заказчика. Программа застройки, показатели численности населения, строительные нормы были предписаны заказчиком, причем первоначально все они были ориентированы на функциональное решение города. Реализованы по планам Эрнста Мая и его сотрудников были лишь первый квартал и часть второго квартала соцгорода Магнитогорска. Несмотря на то что последний вариант проекта генерального плана был утвержден в начале 1933 года, в конце того же года советские органы приняли решение о переносе строительства города на правый берег и вместе с этим высказались не только против реализации плана Мая, но и в целом против функционалистского градостроения.

Авторы на основе российских документов, освещающих историю проектирования Магнитогорска, делают заключение, что Эрнсту Маю не может быть приписана ответственность ни за решение о размещении города на левом берегу, ни за модернистский градостроительный язык. Поэтому длившаяся десятилетиями критика как персонально Эрнста Мая, так и его группы, лишена оснований.

Следует приветствовать тот факт, что Томас Флирль в немецком издании книги добавил к имеющимся материалам еще три документа, относящихся к роли Эрнста Мая в проектировании Магнитогорска, до этих пор недоступных для читателей. Речь идет о сообщении о первой поездке Эрнста Мая и его сотрудников в конце 1930 года в Магнитогорск, о пояснительной записке к генеральному плану Магнитогорска, датированной ноябрем 1930 года (М. Стам, В. Швагеншайдт), равно как и пояснительной записке к генплану декабря 1932-го (Ф. Форбат). В предисловии Флирль останавливается на некоторых аспектах немецкого восприятия трехлетнего советского периода деятельности Эрнста Мая

и членов его группы, а также на современных российских позициях по отношению к градостроительству 1930-х годов. Он указывает на то, что в России в настоящее время существуют две исследовательские позиции: с одной стороны, это традиционный подход искусствоведческого описания градостроительства и архитектуры и, с другой – взгляд на них сквозь призму политической системы сталинизма. Некоторые представители последней точки зрения несправедливо заключают, что практические результаты деятельности иностранных архитекторов в СССР (Э. Май, Х. Майер, Б. Таут, Х. Шмидт и др.) почти равны нулю и едва ли интересны с градостроительной стороны. Томас Флирль видит такую позицию прежде всего в работах живущего в Берлине Дмитрия Хмельницкого.⁴ Флирль также выражает свое несогласие с тезисом авторов книги в том, что политическое руководство Советского Союза осуществляло градостроительную и жилищную политику исключительно лишь как «функцию индустриализации». Критика адресована прежде всего Марку Мееровичу, который видит главную цель советской индустриализации только в создании мощного военно-промышленного комплекса (ВПК). В сравнении с русским текстом книги, обращает на себя внимание тот факт, что этот термин в немецком издании в большинстве случаев заменяется термином «индустриализация» и используется как ее синоним.

В конечном счете именно в роли и доминанте ВПК лежала причина того, что в СССР 1930-х годов формы гражданского социума, диалог и равноправное участие в развитии общества почти не имели значения, и международное сотрудничество также было разрушено.

С критическими замечаниями издателя в адрес авторов можно согласиться, с тем чтобы Магнитогорск понимался сегодня не только как место советской индустриализации, но и как «место воспоминания» (Пьер Нора) об интернациональном архитектурном модернизме.

Остается надеяться, что содержащиеся в книге уникальные сведения смогут содействовать внесению зданий первого и второго кварталов Магнитогорска в национальный русский список объектов культурного наследия и сохранению последних свидетельств этой полной напряженности и драматизма эпохи.

**Астрид Фольперт,
Эльке Писториус**

³ Журавлев А.М., Иконников А.В., Рочегов А.Г. Архитектура Советской России. М.: Стройиздат, 1987. С. 80.

⁴ Der Kampf um die sowjetische Architektur. Ausländische Architekten in der UdSSR der Stalin-Ära // Osteuropa. 2006. № 11. S. 101.